

● ВЕСЬ ●
● ФРЭНСИС ●

ДИК ФРЭНСИС

ВЫСОКИЕ СТАВКИ

МОСКВА
2015

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ф93

Dick Francis
HIGH STAKES

Copyright © 1975 by Dick Francis

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Фрэнсис, Дик.

Ф93   **Высокие ставки / Дик Фрэнсис ; [пер. с англ. А. С. Хромовой]. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Весь Дик Фрэнсис).**

ISBN 978-5-699-81541-8

Стивен Скотт, владелец скаковых лошадей, безгранично доверял своему тренеру. И только на третий год обнаружил, что все это время молодой, способный и трудолюбивый Джоди Лидс его обманывал, и обманывал по-крупному. Да еще и подменил его лучшую лошадь, рассчитывая на то, что неискушенный в скаковом бизнесе Стивен ничего не заметит. Но Скотт не только раскрыл обман, но и придумал хитроумный план, позволяющий ему вернуть похищенное. Правда, за это ему пришлось дорого заплатить. Быть может, даже слишком дорого... Но что поделаешь, скачки — это всегда высокие ставки.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Хромова А.С., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-699-81541-8

ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ГЛАВА 1

Я смотрел на своего друга и видел перед собой человека, который меня предал, обманул и ограбил. Ужасно неприятно. Хуже не бывает.

Джоди Лидс глядел на меня, все еще улыбаясь, все еще не веря.

— Чего-чего?

— Я забираю своих лошадей, — повторил я.

— Но... но я же твой тренер! — ошеломленно воскликнул он. Весь его тон и выражение лица говорили о том, что порядочные владельцы лошадей своих тренеров не бросают. — Это просто невозможно! Только психи или бессердечные скупердяи таскают своих лошадей из конюшни в конюшню, а я ведь не был ни тем ни другим...

Мы стояли перед весовой ипподрома в Сэндаун-парке, и мимо нас поспешно проходили жокеи с седлами и номерами в руках, торопясь на очередной заезд. Было холодно и ветрено. Джоди ежился в своей дубленке и время от времени встряхивал непокрытой головой. Прямые каштановые волосы падали ему на лицо тонкими прядками, и Джоди раздраженно откидывал их назад.

— Да ты что, Стивен? — сказал он. — Не валяй дурака!

— Я серьезно.

Джоди. Невысокий, крепенький, двадцати восьми лет от роду, очень трудолюбивый, очень умный, толковый и пользующийся большой популярностью. Он был постоянным моим советником с тех пор, как я три года тому назад впервые начал держать лошадей. И с самого начала он с дружелюбной улыбкой обдирал меня как липку.

— Ты с ума сошел! — сказал Джоди. — Я же принес тебе победу!

Мы и в самом деле стояли на лужайке, где расседывают победителей. Улыбающийся жockey только что спрыгнул с Энерджайза, моего последнего приобретения, самого лучшего из моих стиплеров, и теперь Энерджайз рыл землю копытом и гордо встряхивал головой, принимая как должное восторги толпы.

Выигранная им скачка была не особенно значительной, но то, как он ее выиграл, было достойно звезды экстра-класса. Когда я увидел, как он мчится в гору к финишному столбу, точно темно-гнедая стрела, я ощутил непривычный прилив радости, восторга... быть может, даже любви. Энерджайз был красив, отважен и переполнен волей к победе. И именно потому, что он выиграл, и выиграл так блестяще, я наконец решился открыто порвать с Джоди.

Хотя, наверно, следовало бы выбрать более удачное место и время...

— Это ведь я купил для тебя Энерджайза на аукционе! — сказал Джоди.

— Я знаю.

— И всех прочих твоих лошадей, которые брали призы.

— Да.

— Это из-за тебя мне пришлось переехать в новые, более просторные конюшни!

Я коротко кивнул.

— Ты... ты просто не можешь бросить меня сейчас!

Ошеломленность уступила место гневу. В ярко-голубых глазах вспыхнул воинственный блеск, лицо закаменело.

— Я забираю лошадей, — повторил я. — И начну с Энерджайза. Можешь оставить его здесь.

— Ты с ума сошел!

— Нет.

— И куда же ты его в таком случае отправишь?

На самом деле, я не знал. Потому сказал просто:

— Я все устрою. Оставь его в конюшне и отправляйся домой без него.

— Ты не имеешь права! — взорвался он. — Дерьмо вонючее!

Право я имел. Он это знал, и я тоже. Любой владелец имеет право в любое время отказаться от услуг тренера, если он им недоволен. Правда,

правом этим пользовались крайне редко, но это уже другой вопрос.

Джоди весь кипел от ярости.

— Я забираю лошадь с собой, и ничто меня не остановит!

Именно его настойчивость окончательно убедила меня, что позволять ему это делать не следует. Я решительно покачал головой. И сказал:

— Нет, Джоди. Лошадь останется здесь.

— Через мой труп!

Пока что Джоди был более чем жив. Он готов был ринуться в драку.

— Отныне и впредь, — сказал я, — я отменяю твое право действовать от моего имени. Прямо отсюда я пойду в весовую и сообщу об этом всем официальным лицам, которым следует это знать.

Он уставился на меня исподлобья.

— Ты мне должен! — сказал он. — Ты не можешь забрать своих лошадей, пока не заплатишь!

Я каждый месяц аккуратно оплачивал присылаемые им счета, так что должен я ему был только за последние несколько недель. Я достал из кармана чековую книжку и снял колпачок с ручки.

— Прямо сейчас и выпишу чек.

— Черта с два!

Он вырвал у меня из рук всю чековую книжку, разодрал ее пополам и перебросил через плечо. Обрывки чеков тут же разлетелись по

ветру. Люди начали изумленно оборачиваться в нашу сторону, репортеры резко оживились. Если бы я хотел, чтобы о нашей ссоре знали все, я не мог бы найти более подходящего места. А ссора постепенно приобретала характер сенсационного скандала.

Джоди огляделся. На глаза ему попались люди с блокнотами. Он увидел в них своих союзников.

Он решил сделать мне пакость.

— Ты об этом пожалеешь! — воскликнул он. — Я тебя в порошок сотру!

Куда и делась вся его улыбочность и дружелюбие, которым он лучился всего минут пять тому назад! Даже если я отступлю и извинюсь, прежних связей уже не восстановить. Доверие разбилось, как Шалтай-Болтай, и его уже не собрать.

Его яростное сопротивление заставило меня зайти дальше, чем я намеревался. Впрочем, цель моя осталась прежней, хотя для того, чтобы ее достичь, придется приложить больше усилий...

— Как бы то ни было, — сказал я, — мои лошади у тебя не останутся.

— Ты меня разоришь! — возопил Джоди.

Репортеры придвинулись на пару шагов.

Джоди покосился на них. Лицо его злобно исказилось.

— Вам, проклятым богатеям, все равно, что будет с простым человеком!

Я резко развернулся, ушел в весовую и исполнил свое обещание: официально отказался

от его услуг тренера. Я подписал документы, лишаящие его права действовать от моего имени, и на всякий случай добавил к ним еще записку, в которой специально подчеркивалось, что я недвусмысленно запретил ему увозить Энерджайза из Сэндаун-парка. Никто не отрицал, что у меня есть такое право, но чувствовалось, что к человеку, который так внезапно и решительно отказался от услуг тренера, десять минут назад принесшего ему очередной приз, относятся весьма прохладно.

Я не стал им говорить, что мне, чайнику, потребовалось очень много времени, чтобы посмотреть фактам в лицо и понять, что меня надувают. Я не стал рассказывать, как отметал в сторону первые подозрения, считая их недостойными нашей дружбы, как я изо всех сил старался оправдать Джоди, пока у меня не осталось никаких сомнений.

Я не стал говорить, что одной из причин моей непреклонности было то, как именно Джоди среагировал на мое заявление, что я забираю лошадей.

Он ни тогда, ни потом не задал одного, самого естественного вопроса.

Он не спросил, почему я это делаю.

Когда я вышел из весовой, ни Джоди, ни репортеров на прежнем месте уже не было. Зрители торопились к трибунам, смотреть главную

скачку дня, и даже распорядители, с которыми я только что имел дело, поспешно направились туда же.

Мне не хотелось смотреть скачку. Я решил вместо этого сходить к ипподромной конюшне и сказать сторожу, чтобы он ни в коем случае не позволял уводить Энерджайза. Но, поскольку сторож сидел у конюшни в основном для того, чтобы не пускать внутрь всяких подозрительных чужаков, а не затем, чтобы мешать кому-то выводить оттуда лошадей, я не был уверен, что от него будет какая-то польза, даже если он и согласится помочь.

Сторож сидел у себя в будке. Человек средних лет, крепкий, коренастый, в темно-синей форме с медными пуговицами. На стенах висели какие-то списки, приколотые к специальным дощечкам, электрокамин вел безнадежную битву с декабрьским холодом.

— Извините, — сказал я, — я хотел бы узнать насчет лошади...

— Сюда нельзя! — перебил сторож начальственным тоном. — Владельцам без тренеров входить не положено!

— Я знаю, — сказал я. — Я просто хотел предупредить, чтобы мою лошадь не увозили.

— Это какую?

Ему явно нравилось перебивать и одергивать, как и многим людям, наделенным мелкой властью. Он принялся дышать на замерзшие руки, глядя на меня без малейшей любезности.

— Энерджайза, — ответил я.

Он поджал губы и задумался, стоит ли отвечать. Видимо, никаких причин не отвечать не было, кроме врожденного нежелания кому-то помогать, потому что в конце концов он неохотно ответил:

— Это черный такой, которого Лидс тренирует?

— Да.

— Так его уже увезли, — сказал сторож.

— Увезли?!

— Ну да. Конюх его увел, пару минут тому назад. — Он дернул головой в сторону дорожки, ведущей к стоянке фургонов для перевозки лошадей. — И Лидс с ним был. Я так думаю, что они уже уехали.

Эта мысль его, похоже, порадовала, потому что он улыбнулся.

Я оставил его с его кислым удовлетворением и бегом помчался по дорожке. Она вела через кусты и выходила на засыпанную гравием площадку, где как попало стояли десятки фургонов.

Фургон Джоди был бежевый, с алыми полосами по бокам. И он уже сдвинулся со своего места и разворачивался, чтобы проехать к воротам.

Я осторожно положил на землю свой бинокль и припустился бегом. Пробежал первый ряд машин, выскочил в проход и увидел, что фургон Джоди уже почти развернулся ярдах тридцати от меня и едет прямо в мою сторону.

Я встал у него на пути и замахал руками, приказывая шоферу остановиться.

Шофер меня знал достаточно хорошо. Звали его Энди-Фред. Он регулярно возил моих лошадей. Я видел его лицо, напряженное и испуганное. Он принялся лихорадочно жать на гудок.

Я не обратил внимания на гудки, уверенный, что он остановится. По одну сторону от нас был высокий деревянный забор, а по другую — ряды фургонов. Через пару секунд я понял, что Энди-Фред, видимо, забыл, для чего существуют тормоза, и мне пришло в голову, что, возможно, Энерджайза увезут не через труп Джоди, а через мой собственный.

И все же я не двинулся с места, скованный не столько страхом, сколько яростью.

Слава богу, у Энди-Фреда нервы не выдержали первыми, но в самое последнее мгновение. Он крутанул баранку, когда массивная решетка радиатора была уже футах в шести от моей груди и рев дизеля громом гремел у меня в ушах.

Тормозить было поздно. Свернув, он врезался прямо в кабину одного из фургонов. Раздался визг тормозов, скрежет металла, и дверцы кабин обоих фургонов сцепились намертво. Во все стороны полетели бритвенно-острые осколки стекла. Мотор захлебнулся и заглох.

Бампер фургона Джоди меня миновал, но гладкое крыло все же зацепило меня, когда я за-

поздало отскочил. Я отлетел в сторону, врезался в забор и некоторое время лежал, переводя дух.

Энди-Фред, живой и невредимый, выскочил из непострадавшей дверцы своей кабины и бросился ко мне со смешанным чувством страха, ярости и облегчения.

— Ты, блин, соображаешь, что ты делаешь? — заорал он.

— Почему... — с трудом выдавил я, — почему ты не остановился?

Похоже, он меня не услышал. Во всяком случае, не ответил. Вместо этого он обернулся навстречу разъяренному Джоди, который мчался к нам вдоль фургонов, с той же стороны, откуда появился я.

Когда Джоди увидел разбитую машину, его буквально затрясло, и он принялся поливать Энди-Фреда руганью.

— Недоумок! — вопил он. — Мать твою так...

— А чего мне было делать? — орал в ответ шоферюга. — Он у меня прямо на дороге стоял!

— Я ж тебе сказал, чтоб ты не останавливался!

— Я бы его задавил!

— Не задавил бы!

— А я те говорю, задавил бы! Он стоял прямо на дороге! Стоял, и все!

— Если бы ты не остановился, он бы отскочил! Недоумок! Идиот! Ты только погляди, что ты натворил, мать твою...

Они кричали на всю стоянку. Издалека доносился усиленный репродукторами голос ком-

ментатора, рассказывающего о ходе стипль-че-за. За забором, на Гилдфордском шоссе, ведущем в Лондон, гудели машины. Я неловко поднялся с холодного гравия и прислонился к некрашеному забору.

Я ничего себе не сломал. Дыхание постепенно восстанавливалось. Единственный ущерб — это что с моего пальто оторвались все пуговицы. На том месте, где они были пришиты, красовался ряд прямоугольных дырочек — пуговицы отлетели с мясом. Я поглядел на них — и понял, что мне сильно повезло.

Энди-Фред во всю глотку объяснял Джоди, что он, Энди-Фред, не собирается никого убивать, чтобы угодить ему, Джоди.

— Ты уволен! — проорал Джоди.

— Ну и ладно!

Энди-Фред шагнул назад, посмотрел на помятый фургон, взглянул на меня, потом на Джоди, придвинулся поближе к нему и снова рявкнул:

— Ну и ладно!

И, не оглядываясь, ушел в сторону конюшен.

Теперь внимание и ярость Джоди резко переключились на меня. Он решительно шагнул в мою сторону и завопил:

— Я на тебя за это в суд подам!

— Почему бы тебе не посмотреть, в порядке ли лошадь? — спросил я вместо ответа.

Я говорил достаточно тихо, и Джоди, успев-